

Страна в изгнании

Тибет называют крышей мира. Но, спустившись с нее, тибетские дети рисуют совсем не мирные рисунки. Монах стоит на коленях в окружении двух десятков китайских солдат. Его бьют резиновыми палками. Час, два, три — пока не умрет. Пятилетний мальчишка увидел это из окна своего дома, а потом нарисовал. Вот монах, вот кровь, вот солдаты...

На другом рисунке — пожилая пара. Они ставят отпечатки пальцев под документом. По-тибетски писать им нельзя, а по-китайски они не умеют. Вот уведят соседа — у него в доме нашли фотографию далай-ламы. Тибетцы считают его живым воплощением Будды сострадания. А за хранение изображения далай-ламы им в Китае грозит четыре года тюрьмы.

Современная история пережила немало исходов. Перебирались к своим поволжские немцы, возвращались на родину крымские татары, со всего света спешили в Израиль евреи...

У тибетцев нет родины. Вот уже почти полсотни лет она считается частью Китая. У них нет языка — тибетские дети посещают китайские школы, если у их родителей есть деньги на учебу. У них нет истории — она, как и история буддизма, которой 2,5 тысячи лет, полностью пострижена под китайскую гребенку.

Что у них осталось? Только вера.

Маленький, но горный народ

У подножия Гималаев душная липкая Индия падает замертво. На севере страны, в Дхарамсале, свежо, как у нас после дождя в июльский полдень. Здесь, в Дхарамсале, находится резиденция его святейшества далай-ламы XIV, с 1959 года живущего в изгнании. Сюда стремятся сотни тибетских монахов и тысячи тибетских беженцев. Для китайцев они сепаратисты, а далай-лама, за благословением к которому они идут сотни километров по горным хребтам, — государственный преступник.

Их путь долог и страшен. Отправляясь в Дхарамсалу, они знают, что дойдут не все. Кто-то погибнет от пуль китайских пограничников. Кого-то обменяют на сигареты непальские погранцы, и китайцы бросят их в тюрьму. Кто-то умрет в дороге — тибетцы идут месяцами, в основном по ночам. Тайными тропами, по кромке гор, по пояс в снегу, с минимумом провианта.

Хуже всего приходится детям. Отправляя их в Индию, родители знают, что скорее всего больше никогда не увидят.

10-летняя Долма Церинг — сирота. Девочка родом из Лхасы, столицы Тибета. Родители умерли, когда она была совсем малышкой. Воспитанием ребенка занимались бабушка и дедушка. В детской деревне неподалеку от Дхарамсалы она живет уже три года.

— Помню темную ночь, бабушка плачет, дедушка плачет. Мы садимся на лошадей и едем в горы, — рассказывает Долма. — Холодно, очень холодно... Спим на земле днем, идем ночью. Дядя говорит, что так безопасней...

С бабушкой и дедушкой Долма скорее всего больше никогда не встретится. Она еще не понимает, что такое "никогда", ведь они еще живы. Скорее всего живы. Потому что об их судьбе ничего не известно. Так же, как и о судьбе ее дяди и тети, которые привезли девочку в эту деревню. Может быть, они тоже живы, а может быть, их расстреляли при переходе через Гималаи, когда они возвращались назад.

— Иногда родители не выдерживают разлуки и снова проделывают весь этот путь, чтобы еще раз пообщаться со своим ребенком. А на обратном пути их ждет засада и автоматная очередь, — говорят педагоги. — Письма тоже запрещены — по ним могут кинуть за решетку даже далеких родственников.

— В Лхасе у меня была подружка, Лхамо, я по ней очень скучаю. И по бабушке с дедушкой тоже, — девочка

отворачивается, чтобы не заплакать.

В игровой — несколько десятков малышей. Почти половина из них — сироты, но все улыбаются и говорят, что у них есть мама. Мама одна на сорок детей самого разного возраста. Если повезет, у мамы есть муж, то есть папа. В доме две спальни с двухъярусными железными койками и тумбочки с замком и номерами. Имен на Тибете немного, фамилий еще меньше, поэтому у каждого ребенка есть порядковый номер. Диковато, конечно, но иначе не получается.

— Иногда на одной койке спят по два-три человека, — говорит одна из мам. — Детей много, нормально разместить всех не можем, но и отказать им выше наших сил.

Мальчики ищут спонсоров

9-летний Таши Ванче живет вместе с грудничками. Отправляют и таких, совсем еще крох — в Китае рождаемость под строгим контролем, а у тибетцев семьи всегда были большими. Аборт у буддистов означает убийство, карму несколькими перевоплощениями придется отрабатывать. И не факт, что когда-нибудь “спишут”...

Таши родился слабеньким. Не бегал, как другие дети, не смеялся. Родители с утра до ночи строили дороги, там же и погибли. Таши и еще четверо братишек и сестер остались одни. Соседи привезли их из бедной индийской провинции Гантонг к тибетцам. Индийским детям, по идее, могли в приюте отказать — своих девать некуда. Могли, если бы тибетцы не были буддистами, чья главная заповедь — сострадание.

— У Таши серьезное заболевание ног, он может только сидеть и, как младенец, ползать, — переживает за мальчика его новая мама. — К нему приходит врач, приходит учитель. Нужна серьезная операция, а денег на нее нет.

Жизнь 1200 детей, проживающих в этой деревне, впрочем, как и других, разбросанных по Индии, зависит от спонсоров. Усыновлять детей нельзя (“вдали от родины тибетский не выучишь и культуру вряд ли сохранишь”, — объясняют педагоги). Помочь им — легче легкого. 30 долларов в месяц на содержание конкретного ребенка — столько требуется от потенциального спонсора. За это с ребенком можно переписываться, приезжать к нему в гости, а когда ему исполнится 17, то и приглашать к себе. За 40 лет, что существует эта детская деревня, ни одного педофила-спонсора замечено не было.

Впрочем, спонсоры есть далеко не у всех. У Таши его тоже нет.

— Мне некому писать письма, — переживает обездвиженный мальчишка. — А я знаю английский, и мне так хочется! Я знаю, в России много снега, как на Тибете. Вдруг мне кто-нибудь захочет написать?

Маленький далай-лама обнимает Брэда Питта — знаменитый кадр из голливудского фильма “Семь лет в Тибете”, самого известного на эту тему. Он здесь в каждом доме, на видном месте. Рядом — портрет настоящего далай-ламы. Три “яда” отравляют нам жизнь: гнев, привязанность и неведение, утверждает живое воплощение Будды. Во всех тибетских деревнях для детей (той, что под Дхарамсалою, руководит родная сестра его святейшества) с неведением (т.е. необразованностью и нежеланием расширять свой кругозор) борются не покладая рук.

Дети учат тибетский, английский плюс все остальные дисциплины, которые есть в нормальных европейских школах. Образование на уровне, к тому же бесплатное — в Китае они о нем не смели бы даже мечтать. Лучшие ученики идут дальше — в индийские университеты, опять же за счет спонсоров. Оказывается, если не обворовывать сирот, как у нас, то им еще и на высшее образование останется.

Тибет чуть не стал частью России

Для русского человека многое у тибетцев кажется странным. К примеру, мертвое тело здесь не повод для церемоний. Расчленив покойника, тибетцы выкидывают его на съедение грифам. Смерть — ерунда, она лишь повод к новой жизни. Для настоящего буддиста это аксиома. Так чего ж жалеть бранные останки — пускай хоть напоследок они кому-нибудь послужат. Все равно через 47 дней — будьте любезны получить новую оболочку. И только от вас и предыдущих ваших карм зависит, кем вы будете в следующей жизни: духом бестелесным, который даже не сможет за себя помолиться, собакой или снова человеком. А может, и кем-нибудь повыше. Вот ринпоче (или перерожденец) будет человеком всегда. Каждый раз он возвращается на землю в человеческом облике. Причем делает это сознательно, карма у него такая — давать учение людям.

...Никто из тибетцев не сомневается, что в прошлой жизни ринпоче Богдогеген, с которым я встретила в его доме в Дхарамсале, жил в императорском дворце, в Улан-Баторе, и правил монголами. В этой жизни, когда, родившись на Тибете, малыш вдруг уверенно залопотал на монгольском, никто не удивился: естественно, он ринпоче — кто же еще?

Ринпоче Богдогеген по мере сил и здоровья помогает нейтрализовать те самые отравляющие душу и тело “яды” выходцам из России. наших гонимых на Тибете за последние триста лет видели немало. В начале XX века дошло до того, что царь-батюшка Николай Второй всерьез подумывал о вхождении Тибета в состав России, а Распутин приглашал ко двору тибетских докторов. Впрочем, в святая святых — Лхасу — иностранцев не пускали. Не сделали исключения даже для Рерихов, пожалуй, самых известных наших исследователей Тибета.

Не легче и нынешним исследователям — теперь настоящих тибетцев можно найти по большому счету лишь в изгнании. Парни и девушки из Москвы, Питера, Бурятии и Калмыкии живут в четырехэтажном доме ринпоче Богдогегена, здесь же едят и осваивают духовные практики. Во всем минимализм, даже аскетизм, зато бесплатно.

В молельной комнате ринпоче кроме изображений Будды и далай-ламы — маленькая фотография бывшего монгольского императора на фоне дворца.

— Ринпоче не рассказывает про прошлую жизнь, да здесь доказательства никому не нужны, и так все видно, — говорит его верная помощница Лена. Раньше она жила в Иркутске, была диджеем на джазовом радио. Увлечлась буддизмом, переехала в Индию. За год выучила тибетский, и теперь учитель без нее как без рук. — До 25 он был монахом. Потом снял с себя обет. Был трижды женат, воспитал восьмерых детей. Недавно один из сыновей отдал ему свою почку. Ринпоче был в тяжелом состоянии, а далай-лама сказал, что он еще нужен на этой земле. Сын не раздумывал ни минуты.

— Я отлично помню, как коммунистический Китай заявил о присоединении тибетского народа и о строительстве на Тибете нового общества. Наша армия была разбита, и тогда монахи сняли свои одежды и взяли в руки оружие, — вспоминает китайскую оккупацию ринпоче Богдогеген. — Мы все были готовы умереть за свою родину. Остановил нас далай-лама. “Силы неравны, нас всех убьют, и вместе с нами умрет наша культура и наши знания”, — сказал он. И монахи подчинились.

Потом за ламами — особенно высокими, которых считают носителями высших знаний, — китайские спецслужбы устроили настоящую охоту. Ламы бежали с Тибета, как в свое время Керенский из Зимнего — переодевшись в женское платье. В Индии их ждала полная безвестность и нищета. Нехитрый крестьянский быт — корова, пашня, мелкая торговля. Ринпоче пахал от зари до зари, навсегда, казалось бы, забыв, как когда-то, будучи высоким ламой, сидел на троне и давал учение.

Оказавшись в изгнании, тибетские ламы строили индийские дороги, самые тяжелые участки. На другую работу буддийских монахов-беженцев обычно не брали. Из древних книг тибетцы смогли спасти только треть, 6 тысяч монастырей разрушили до основания, больше миллиона тибетцев — из шести — погибло. Во всем мире, кроме Китая, этому нашли только одно определение: геноцид.

Война, кровь, разруха, взорванные храмы и статуи Будды — такой осталась Лхаса, столица Тибета, в памяти ринпоче. Монахи, только недавно бежавшие из Тибета и живущие сейчас в центре беженцев в Дхарамсале, описывают ее с ужасом в голосе.

— В храмах теперь казино, на улице полно китайских проституток, всюду бордели, — говорит монах Пасанг Дордже. — А ведь это была наша духовная столица!

Китайская пытка длиной в полвека

Впрочем, центр беженцев — это громко сказано. Скромное двухэтажное здание. На полу — матрасы, всюду женщины, дети, монахи. Беженка Янчен уже несколько лет живет в Дхарамсале, поет тибетские песни, тем и зарабатывает себе на жизнь.

— Моих бабушку и дедушку убили китайцы, — рассказывает 30-летняя беженка. — У нас была большая богатая семья. Дедушка был мэром провинции. Китайские солдаты схватили всю семью, надругались над женщинами. Каждый раз, когда мама рассказывает об этом, она плачет. Тогда она была еще маленькой, но все равно все видела... Все украшения растащили, вещи унесли. Дедушку с двумя сыновьями и всех женщин арестовали. Только третьему сыну удалось скрыться в горах вместе с моей мамой. Китайцы так и не нашли их.

Дед был очень большим человеком, а должности у нас передавались по наследству. Если отца арестовывали или убивали, то за главного должен был остаться его сын. Именно поэтому жители деревни ему помогали. Но и в горах можно наткнуться на китайцев... У мамы убили двух братьев, один был монах, другой — ринпоче. Мать чуть не сошла с ума, год была практически невменяемой. Другую ее сестру убивали долго и изощренно — опускали голову в котел с кипящей водой.

“Свободный Тибет” — лозунг, под которым начиная с 1959 года проходили антикитайские демонстрации по всему миру, больше не актуален. С Китаем теперь предпочитают договариваться даже самые сильные страны, откупаясь в его пользу некогда спорными территориями. А что уж говорить о геноциде маленького народа? Сущий пустяк в масштабах мировой политики.

Тибетцев, живущих в изгнании, меньше 200 тысяч. Остальные разбросаны по Гималаям, и власти Поднебесной их всеми способами стараются “окитаить”. Новая политика, на которую тибетцы решились скорее от отчаяния, — т.н. “срединный путь”, провозглашенный далай-ламой, — означает требование широкой автономии в границах КНР. Но и движение по этому пути пока идет со скрипом. Китайцы уже четырежды встречались с тибетцами на высоком уровне, но дальше смотрин не продвинулись.

— Китайцы активно заселяют наш Тибет, — говорит учитель тибетского языка с “оккупированной территории” Ямъянг. — Их насильно свозят в горы целыми деревнями, они прокладывают железную дорогу, уничтожают пастбища и леса. Раньше мы пасли скот, а теперь его негде пасти. На другую работу не устроишься — везде приоритет китайцам.

Четыре месяца тайком шел учитель Ямъянг по горам, чтобы встретиться с далай-ламой. Еще месяц ждал аудиенции его святейшества. Дождался! Стороннему человеку трудно понять психологию тибетца. Зачем все эти мучения, к тому же связанные со смертельным риском? Да затем, чтобы на вопрос, который задает на Тибете каждый: “А ты видел далай-ламу?” — паломник мог гордо ответить: “Да!”.

По статистике, каждый четвертый тибетец, получив благословение, возвращается назад. Три четверти предпочитают остаться в Индии.

— Автоматы? Тюрьма? Боюсь, конечно, но верю, что все обойдется. Родной язык дети должны учить не только в изгнании, но и дома, — уверен учитель Ямъянг. — К тому же ситуация все-таки меняется. Десять лет назад мы не верили, что переговоры с китайцами вообще возможны. Все меняется, если что-то делать...

Кадры из голливудского фильма: “Да найдут все путники счастье там, куда идут. Пусть они с легкостью достигнут всего, чего стремятся. Пусть они счастливо вернутся к родному берегу и воссоединятся с близкими”, — шепчет маленький далай-лама на прощание своему другу.

В кино они и правда смогут это сделать. Но “семь лет в Тибете” — это не полсотни лет в настоящем изгнании. Без всякой надежды на встречу. И на возвращение домой.

Елизавета Маентная. Дхарамсала—Дели—Москва

Автор: Артур Скальский © Московский комсомолец ГЕО, ИРКУТСК 👁 2867 14.06.2005, 15:34

URL: <https://babr24.com/?ADE=22397> Bytes: 14689 / 14646 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)